

Джозеф Шеридан
ЛЕ ФАНЮ

ПРИЗРАК И КОСТОПРАВ

Перебирая бумаги моего бесценного и почитаемого друга — покойного Фрэнсиса Перселла, который на протяжении почти полувека отправлял не легкие обязанности приходского священника на юге Ирландии, я наткнулся на следующий документ. Подобных записей у него накопилось немало: он прилежно и неутомимо собирал старинные местные предания, какие в тех краях, где он проживал, бытуют в изобилии. Собираение и систематизация различных легенд было, сколько я помню моего друга, его излюбленным занятием, но мне и в голову не приходило, что тяга ко всяким странностям и чудесам настолько в нем окрепнет, что побудит его заносить плоды своих разысканий на бумагу, и впервые я узнал об этом только после того, как, став наследником его имущества, сделался, согласно завещанию, и обладателем всех его рукописей. Тем, кто сочтет склонность к литературным занятиям несовместимой с нравами и привычками сельского священника, надобно указать, что существовала некогда порода священнослужителей — представителей старой школы, ныне почти уже вымерших, чей кругозор был по многим причинам более широким, а литературные интересы более глубокими, нежели у питомцев Мэйнута.

Необходимо, пожалуй, добавить, что поверье, подкрепленное нижеследующей историей — а именно о покойнике, обязанном на первых порах подносить свежую воду похороненным ранее соседям по кладбищу, которые томятся в чистилище от невыносимой жажды, — на юге Ирландии распространено повсеместно. Пишущий эти строки готов поручиться за достоверность случая, когда почтенный и зажиточный фермер из графства Типперэри, озабоченный мозолями почившей супруги, положил ей в гроб две пары башмаков: легкие — для сухой и тяжелые — для слякотной погоды, желая тем самым избавить ее от неудобств, связанных с неизбежными походами за водой для увлажнения иссохших глоток насельников чистилища. Между двумя похоронными процессиями, одновременно достигающими кладбища, возникают порой ожесточенные стычки: каждая сторона стремится обеспечить своему покойнику первенство погребения — и, следственно, избавить от возлагаемой на последнего постояльца должности пешего водоноса. Не столь давно имел место случай, когда представители конкурирующей процессии, из боязни лишиться своего усопшего товарища этого неопределимого преимущества, избрали кратчайший путь на кладбище и, в нарушение одного из наиболее глубоко укоренившихся суеверий, попросту перебросили гроб через ограду, дабы, минуя кладбищенские ворота, опередить соперников. Нетрудно привести множество подобных примеров, наглядно свидетельствующих о прочности этого широко распространенного среди селян — жителей юга — предрассудка. Не стану, впрочем, долее обременять читателя предварительными пояснениями, но спешу представить его вниманию следующий текст:

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ РУКОПИСЕЙ
ЕГО ПРЕПОДОБИЯ, ПОКОЙНОГО
ФРЭНСИСА ПЕРСЕЛЛА, ИЗ ДРАМКУЛАХА

Привожу эту историю по памяти со слов рассказчика, стараясь воспроизвести ее возможно точнее. Нелишним, вероятно, будет заметить, что язык у него был, как говорится, подвешен неплохо — и у себя в приходе он долгое время наставлял способную молодежь в тех науках, гуманитарных и естественных, какие считал нужным преподавать: этим обстоятельством, надо думать, и объясняется присутствие в рассказе ряда ученых слов, употребленных не столько из-за их уместности, сколько ради благозвучия. Итак, приступаю, без дальнейших предисловий, к делу и предлагаю вашему вниманию рассказ об удивительных приключениях Терри Нила.

Да, история эта, конечно, диковинная, и говорить нечего, но такая же правда, как то, что вы здесь сидите; и, смею заявить, в семи приходах не найдется никого, кто сумел бы рассказать ее лучше и пунктуальнее, чем я, потому как случилась она с моим отцом — и я не раз ее слышал от него самого, и, скажу не без гордости, словам и подписи моего отца можно было верить так же апелляционно, что и клятве любого сельского сквайра. Стоило какому-нибудь бедняге попасть в переделку — кто шел в суд давать показания в его пользу? Мой родитель, кто ж еще. Только сам-то он человек был честный и трезвенник — такого во всей округе не сыщешь; очень, правда, охочий пропустить стаканчик, зато лучше всякого другого смыслил в плотницком и столярном деле. А потому он взялся за ремесло костоправа, оно и понятно: никто не мог с ним сравниться в умении по-

чинить сломанную ножку стола или стула; и точно, народ к нему валом валил — что старые, что малые: такого на памяти старожиллов еще не бывало. Так вот, Терри Нил (так звали моего отца) почувствовал, что на душе у него становится все легче, а кошелек все тяжелеет, и тогда он обзавелся небольшой фермой на земле сквайра Фелима, невдалеке от старого замка, — местечко, скажу я вам, славное; и с утра до ночи к нему со всех сторон ковыляли бедолаги — кто с перебитой рукой, кто с ногой, и всем он вправлял кости куда следует. Итак, ваша милость, все обстояло распрекрасней некуда, однако был заведен такой обычай, чтобы кто-нибудь из селян в случае отъезда сэра Фелима сторожил по ночам старый замок, вроде как из любезности соседу, но очень уж неприятной была для них эта обязанность: каких только страхов не рассказывали о старом замке. Все в округе знали, да и сам я об этом слышал еще до того, как в первый раз надел башмаки, что дед нынешнего сквайра — добрый джентльмен, упокой, Господи, его душу! — завел привычку ровнехонько в полночь прогуливаться по замку с тех самых пор, как у него в голове лопнул кровяной сосуд, когда он вытаскивал из бутылки пробку, совсем как вы или я это делаем и, даст Бог, еще будем делать, только не в этом суть. Старый сквайр, как я уже говорил, повадился вылезать из рамы, в которой он висел — то бишь портрет его, крушить вдребезги стаканы и бутылки — помилуй нас, Господи! — да выпивать до капли все, что ему попадалось под руку, хоть и не самое великое это прегрешение; а потом, если случалось зайти кому из домочадцев, мигом забирался обратно в раму и глядел оттуда с неповинным видом, точно ему и невдомек, кто там набедокурил, — такой вот проказливый старикашка.

Итак, ваша милость, я и говорю, как-то раз семейство сквайра задержалось в Дублине на недельку-другую, а потому, как обычно, кому-то из деревни надо было ночевать в замке, и на третью ночь настал черед пойти туда моему отцу.

— Вот ведь бочки-бочоночки! — говорит он сам себе. — Чего это ради я должен сидеть там сиднем всю ночь, пока старый бродяга, привидение, прости господи, будет разгуливать по всему замку и творить всякие бесчинства?

Но деваться было некуда, и вот он напустил на себя беспшабашный вид и, прихватив бутылку с выпивкой и бутылку со святой водой, пошагал, как стало смеркаться, к замку.

Дождило вовсю, вечер выдался мрачный, и уже совсем стемнело, когда мой отец добрался до замка; у входа он обрызгал себя святой водой и тут же понял, что должен малость хлебнуть спиртного, чтобы согреть нутро. Дверь ему отворил старый дворецкий — Лоренс Коннор; они с отцом издавна были на короткой ноге. Разглядев, кто стоит перед ним (а отец сообщил, что настал его черед сторожить замок), Лоренс предложил составить ему компанию и провести ночь вместе, и, будьте уверены, отец ломаться не стал.

— Растопим камин в зале, — говорит Ларри.

— А почему не в холле? — говорит отец.

— В холле топить нельзя, — говорит Ларри, — там в дымоходе старое галочье гнездо.

— Ну тогда, — говорит мой отец, — давай устроимся на кухне — не годится таким, как я, рассиживаться в залах.

— Нет-нет, Терри, — говорит Лоренс, — уж если блюсти старинный обычай, так блюсти его как должно, честь по чести.

«Черт бы побрал этот старинный обычай», — говорит мой отец, но говорит про себя: не хотелось ему показать Лоренсу, будто он чего-то побаивается.

— Ладно, Лоренс, — говорит он вслух. — Будь по-твоему. — И оба идут сначала на кухню дожидаться, пока в зале разожгут камин, а дело это минутное.

Значит, так, ваша милость: вскорости поднялись они в гостиную и расположились поудобнее возле камина; принялись калякать о том о сем, курить и отпивать по глоточку из бутылки, а в огонь подбросили побольше торфа и коряг — хорошенько прогреть свои голяшки.

Так вот, сэр, я и говорю: покуривали они себе и беседовали по душам, пока Лоренса не начало клонить в сон, что и понятно — служил он в замке невесть сколько лет и поневоле привык подолгу спать.

— Ну нет, это никуда не годится, — говорит мой отец, — ты, смотрю, уже всюю клюешь носом.

— Ах ты черт, — говорит Ларри, — да я всего на минутку прикрыл глаза, они у меня от табачного дыма слезятся. А тебе нечего мне пенять, — сурово говорит он (уж очень он был обидчив — упокой, Господи, его душу!), — давай валяй дальше, рассказывай, я тебя слушаю внимательно, — говорит он и опять закрывает глаза.

Ну, отец мой увидел, что спорить с ним без толку, и стал рассказывать дальше. Будто нарочно, это была история о Джиме Салливане и его старом козле — куда как веселая и уж такая занятная, что и садовая соня уши наострит, а уж христианин — и подавно встрепенется. Но ей-богу, чтоб так рассказывать, как мой отец, — такого еще никто не слыхивал: он что есть мочи выкрикивал каждое слово, лишь бы Ларри не уснул, но все понапрасну; только осип, а Лар-

ри О'Коннор, не дождавшись конца истории, пустил такой храп, что твоя прохуdivшаяся волынka.

— Язви его, — говорит мой отец, — только этого не доставало, — говорит он, — старый пройдоха! Прикинулся моим другом, а сам захрапел, и сиди теперь тут с ним на пару по соседству с призраком, — говорит он. — Да сохранил нас Крест Господний! — говорит он и уже собрался встряхнуть Лоренса как следует, да сообразил, что если его растолкать, то старикан уж точно отправится к себе в постель, а оставаться в зале одному как перст вовсе ему не улыбалось.

— Ну, так тому и быть, — говорит мой отец. — Не стану беднягу тревожить. Не по-дружески это как-то, не по-людски, — говорит он, — досаждают человеку, когда его сон сморил. Хорошо бы только, — говорит он, — заодно с ним храпака задать.

И тут он принялся расхаживать взад-вперед по гостиной и бормотать молитвы, пока не взмок с головы до пят — не при вас, ваша милость, будь сказано. Но от молитв оказалось мало проку, и потому волей-неволей пришлось моему отцу выцедить примерно с пинту горячительного, чтобы хоть капельку успокоиться.

— Эх, — говорит он, — вот бы и мне так вольготно устроиться, как Ларри. А не попробовать ли, — говорит он, — вздремнуть? — И с этими словами придвинул большое кресло поближе к Лоренсу да и устроился в нем поудобнее.

Однако вот о какой странной штуке я забыл упомянуть. Мой отец никак не мог, сколько ни старался, не взглядывать изредка на картину, и всякий раз ему мерещилось, будто глаза с портрета за ним следят и, мигая, вроде как его провожают, куда бы он ни двинулся.

— Так-так, — говорит он, едва в этом уверился, — вот не повезло так не повезло, не миновать мне сегодня беды, раз уж я угодил в это проклятое место, — говорит он, — но от перепуга теперь никакой пользы, коли помирать, так помирать храбро, — говорит он.

Да, ваша милость, мой отец уж постарался изо всех сил держаться молодцом, и ему раза два-три даже показалось, будто он совсем засыпает, однако уснуть ему мешала буря: большущие вязы за окном стонали и скрипели под ветром, который выл и ревел в дымоходе. Один порыв был до того свирепый, что можно было подумать — стены замка вот-вот рухнут до основания. И вдруг все вмиг улеглось — и стало тихо-тихо, будто в июльский вечер. Да, ваша милость, не прошло и трех минут, как моему отцу послышался какой-то шорох со стороны камина; отец чуточку приоткрыл глаза и явственно увидел, как старый сквайр выбирается из картины: плащ он скинул с плеч, а сам ступил на каминную полку — и потом спрыгнул на пол. Так вот, осторожный старый негодник — отцу подумалось, что подлее этой выходки и быть не может, — прежде чем приступить к разным пакостям, замер на минутку и прислушался, крепко ли оба они с Ларри спят, а когда удостоверился, что все тихо и мирно, протянул руку к бутылке виски, ухватил ее и одним махом опрокинул в себя чуть ли не целую пинту. И затем, ваша милость, таким образом подкрепившись, остороженько поставил бутылку на прежнее место — аккуратно туда, где она и стояла. После чего призрак как ни в чем не бывало взялся мерить зал шагами с таким трезвым и внушительным видом, будто сроду не вытворял ничего подобного. И всякий раз, когда он проходил

мимо моего отца, от него нестерпимо разило серой, и вот тогда у отца душа по-настоящему ушла в пятки: уж он-то в точности знал, что ад именно серой провонял насквозь — прошу прощения у вашей милости. Во всяком случае, он частенько слышал об этом от преподобного отца Мэрфи, который уж наверняка знал, что к чему; теперь-то он тоже на том свете — упокой его душу, Господи! Что ж, ваша милость, мой отец крепился, как только мог, до тех пор, пока призрак не приблизился к нему вплотную — и тут запах серы ударил ему в ноздри с такой силой, что дыхание у него перехватило, он раскашлялся безо всякого удержу и едва не вывалился из кресла, в котором сидел.

— Хо-хо! — говорит сквайр, остановившись в двух шагах от моего отца и пристально его оглядывая. — Да никак это ты, Терри Нил? Ну и как живешь-можешь?

— Рад служить вашей милости, — говорит мой отец (еле ворочая языком — он был ни жив ни мертв от страха), — и счастлив увидеться сегодня с вашей милостью, — говорит он.

— Теренс, — говорит сквайр, — ты человек уважаемый, — (а это была истинная правда), — и трудолюбивый, к тому же настоящий трезвенник — воистину образец трезвости для целого прихода, — говорит он.

— Благодарю вашу милость, — говорит мой отец, собравшись с духом, — вы, как джентльмен, всегда отличались учтивостью в речах — упокой, Господи, вашу милость.

— Упокой, Господи, мою милость? — говорит призрак (физиономия у него прямо-таки побагровела от ярости). — Упокой мою милость? — говорит он. — Ах ты, деревенский невежа, — говорит он, —

подлый ты, жалкий неуч, где, в какой конюшне ты позабыл свои манеры? Если я и мертв, то это не моя вина, — говорит он, — и не таким, как ты, тыкать меня в это носом при каждом удобном случае, — говорит он, топнув ногой так, что половица под ним чуть не провалилась.

— Ох-ох, — говорит мой отец, — я и вправду всего лишь бедный жалкий неуч, — говорит он.

— Он самый! — говорит сквайр. — Но так или иначе, — говорит он, — я не для того, чтобы выслушивать твои глупости и лясы с тобой точить, сюда взошел... сошел то есть, — говорит он (оговорка хоть и малозаметная, но мой отец ее мимо ушей не пропустил). — А теперь послушай, Теренс Нил, — говорит он, — я всегда хорошо относился к Патрику Нилу, твоему деду, — говорит он.

— Точно так, ваша милость, — говорит мой отец.

— И, кроме того, полагаю, что я всегда был трезвым, добропорядочным джентльменом, — говорит сквайр.

— Именно так, ваша милость, — говорит мой отец (в жизни он так нагло не врал, но поделаться с собой ничего не мог).

— Так вот, — говорит призрак, — хотя голова у меня всегда была трезвая, трезвее, чем у многих, по крайней мере у многих джентльменов, — говорит он, — и, невзирая на то, что временами я представлял собой образец истинного христианина и щедро благодетельствовал беднякам, — говорит он, — невзирая на все это, там, где я обретаюсь сейчас, мне приходится совсем не так легко, как я имел основания рассчитывать, — говорит он.

— Надо же, какая досада! — говорит мой отец. — Быть может, ваша милость желала бы перемолвиться словечком с преподобным отцом Мэрфи?

— Придержи язык, презренный нечестивец, — говорит сквайр, — вовсе не о душе я думаю; твое нахальство меня просто бесит — заговорить с джентльменом о его душе, да еще когда не душа у него не на месте, а совсем другое, — говорит он, хлопнув себя по бедру. — Мне нужен тот, кто в этом деле смыслит, — говорит он. — Нет, не душа меня беспокоит, — говорит он, усаживаясь напротив моего отца, — не душа, гораздо больше беспокоит меня правая нога, которую я подвернул возле охотничьей засады в Гленварлохе в тот день, когда сгубил черного Барни.

(Мой отец выяснил впоследствии, что это был любимый жеребец сквайра, который сломал себе хребет под его седлом, когда перепрыгнул через высокий забор вдоль оврага.)

— Надеюсь, — говорит мой отец, — что не этим убийством ваша милость так обеспокоена?

— Придержи язык, болван, — говорит сквайр, — и я тебе расскажу, почему меня моя нога так беспокоит, — говорит сквайр. — Там, где я провожу основную часть своего времени, за исключением короткого отпуска, чтобы здесь рассеяться, — говорит он, — я вынужден ходить пешком гораздо больше, чем привык в своей прошлой жизни, — говорит он, — и много сверх того, чем это полезно для моего здоровья. Должен тебе сказать, что тамошний народ на удивление охоч до свежей и прохладной воды — за неимением питья получше; притом климат в тех краях чрезвычайно жаркий, а удовольствие это маленькое, — говорит он. — Мне же поручено обеспечивать жителей водой для питья, хотя ее-то мне самому достается с гулькин нос. Работенка хлопотная и утомительная, можешь мне поверить, — говорит он, — потому как все жители до единого водохлебы каких поискать, не набегаешься: только принесу, ан глядь, на доньш-

ке уже сухо, но что меня вконец убивает, так это моя хромота. И я хочу, чтобы ты дернул меня как следует за ногу и вправил сустав на место, — говорит он. — Собственно, именно это мне от тебя и нужно, — говорит он.

— Как будет угодно вашей милости, — говорит мой отец (хотя валандаться с призраком ему хотелось меньше всего), — но только вряд ли я посмею обращаться с вашей милостью таким образом, — говорит он, — я ведь так поступаю только с простым людом, вроде меня самого.

— Хватит болтать! — говорит сквайр. — Вот тебе моя нога, — говорит он и задирает ее повыше. — Тяни, коли жизнь тебе не безразлична, — говорит он, — а коли откажешься, я своим потусторонним могуществом искрошу все твои собственные кости в мелкий порошок, — говорит он.

Заслышав такое, отец понял, что деваться ему некуда, а потому ухватил сквайра за ногу и начал тянуть — тянул-тянул до тех пор, пока (прости господи) пот его не прошиб и ручьями не потек по лицу.

— Тяни, черт бы тебя побрал, — говорит сквайр.

— Рад стараться, ваша милость, — говорит мой отец.

— Тяни сильнее, — говорит сквайр.

Отец тянет его за ногу и чуть не лопается от натуги.

— Глотну-ка я капельку, — говорит сквайр и протягивает руку к бутылке. — Надобно немного взбодриться, — говорит он, хотя выглядел бодрее некуда. Но какой он ни был ловкач, тут дал маху и ухватил совсем не ту бутылку. — Твое здоровье, Теренс, — говорит он, — давай-ка тяни, будто за тобой черти гонятся. — И с этими словами подносит к губам бутылку со святой водой, но не успел к ней прикоснуться,

как взревел диким голосом (можно было подумать, что стены замка рассыплются) и дернулся так, что нога оторвалась и осталась в руках у отца. Сквайр перекувырнулся через столешницу, а мой отец, перелетев в другой конец зала, рухнул плашмя на пол.

Когда мой отец пришел в себя, через дребезжавшие от ветра ставни проникали веселые солнечные лучи, а сам он лежал на спине, стиснув в руке ножку одного из старых громадных кресел. Конец ножки, вывороченной из гнезда с мясом, глядел в потолок, а старина Ларри, как водится, наполнял комнату оглушительным храпом. Тем же утром мой папаша отправился к преподобному отцу Мэрфи и с того самого дня вплоть до самой кончины не пренебрегал исповедью и не пропускал ни единой мессы, а его рассказу про случай в замке верили тем больше, чем реже он его повторял. Что касается сквайра, его призрак — то ли потому, что святая водица пришлась ему не по вкусу, то ли потому, что лишился ноги, — в замке больше не показывался.

СЛУЧАЙ С ЦЕРКОВНЫМ СТОРОЖЕМ

Те, кто знал Чейплизод четверть века — или больше — тому назад, вспомнят, возможно, тогдашнего церковного сторожа. Боб Мартин наводил благоговейный ужас на юных разгильдяев, которые по воскресеньям забредали на кладбище, читали надписи или играли в чехарду на надгробиях, взбирались по плющу в поисках летучих мышей и воробьиных гнезд или заглядывали в таинственное отверстие под восточным окном, где виднелась туманная перспектива ступеней, которая терялась внизу в еще более густой темноте; там, среди пыли, рваного бархата и кос-

тей, которыми усеяли склеп время и бренность, жутко зияли отверстые гробы. Боб, разумеется, был грозой таких безумно любопытных или озорных юнцов. Но хотя должность Боба Мартина внушала трепет, как и его сухопарая, облаченная в порыжелое черное одеяние фигура, все же, глядя на его сморщенное личико, подозрительные серые глазки, каштановый, с оттенком ржавчины, парик-накладку, каждый заподозрил бы в нем любителя веселого времяпрепровождения; и верно, моральные устои Боба Мартина не всегда оставались неколебимы — ему случалось откликаться на зов Бахуса.

Ум у Боба был пытливый, память же хранила немало веселых, а также страшных историй. По роду службы ему были близки могилы и гоблины, а по склонности души — свадьбы, пирушки и всяческие забавные проделки. А поскольку самые ранние его воспоминания относились к событиям почти шестидесятилетней давности, у него скопился обильный запас достоверных и поучительных рассказов из местной деревенской жизни.

Доходы, приносимые службой при церкви, были далеко не достаточны, и Бобу Мартину, дабы удовлетворить свои особые потребности, приходилось обращаться к приемам, мягко говоря, не вполне одобряющим.

Нередко, когда его забывали позвать в гости, он приглашал себя сам; Боб Мартин случайно присоединялся в трактире к знакомым ему небольшим теплым компаниям, развлекал собравшихся странными и ужасными историями из неисчерпаемого хранилища своей памяти и никогда не отвергал благодарности, которая выражалась в стаканчике горячего пунша с виски или другого напитка, имевшегося на столе.

В ту пору пивной напротив старой заставы владел некий Филип Слейни, человек по натуре меланхолический. Сам по себе он не был склонен к неумеренным возлияниям, но, постоянно нуждаясь в компаньоне, который разгонял бы его мрачные мысли, на удивление привязался к церковному сторожу. Без общества Боба Мартина ему уже трудно было обходиться; под влиянием озорных шуток и удивительных историй своего приятеля трактирщик забывал, казалось, о своем угрюмом настроении.

Эта дружба не добавила собутыльникам ни богатства, ни доброй славы. Боб Мартин поглощал намного больше пунша, чем полезно для здоровья и совместимо со званием служителя церкви. Филип Слейни также стал позволять себе излишества, ибо трудно было не поддаться добродушным уговорам приятеля; и поскольку Слейни приходилось платить за двоих, кошелек его страдал еще больше, чем голова и печень.

Как бы то ни было, повсеместно считалось, что Боб Мартин спойл Черного Фила Слейни (под этим прозвищем был известен трактирщик), а Фил, в свою очередь, окончательно сбил с пути Боба. При таких обстоятельствах в заведении напротив заставы счета несколько запутались, и одним отнюдь не прекрасным летним утром, когда, несмотря на жару, небо было обложено тучами, случилось следующее: Фил Слейни вошел в маленькую заднюю комнату, где хранил свои бухгалтерские книги (и где грязное окно смотрело прямо в глухую стену), запер на засов дверь, взял заряженный пистолет, сунул дуло в рот и снес себе верхушку черепа, забрызгав при этом потолок.

Это страшное несчастье глубоко потрясло Боба Мартина; отчасти из-за этого, а отчасти по той причине, что ему грозила отставка, после того как его несколько раз обнаруживали на большой дороге в от-

существующем — почти что бесчувственном — состоянии, а возможно (говорили некоторые), и оттого, что некому стало его угощать после смерти бедняги Фила Слейни, но Боб Мартин на время отказался от всех крепких напитков и сделался образцом умеренности и трезвости.

К великой радости жены Боба Мартина и в назидание соседям, ее супруг следовал своему разумному решению достаточно твердо. Он редко прикладывался к бутылке, никогда не напивался допьяна, и лучшая часть общества приняла его в свои объятия, как блудного сына.

Приблизительно через год после упомянутого жуткого происшествия помощник городского священника получил по почте уведомление о предстоящих похоронах; в письме содержались некоторые указания по поводу того, где именно на чейплизодском кладбище нужно выбрать место для могилы. Помощник священника послал за Бобом Мартином, дабы сообщить ему то, что относилось к его служебным обязанностям.

Осенняя ночь была мрачна; грозовые облака, медленно поднявшись из-за горизонта, сошлись на небе в зловещий, чреватый бурей навес. В неподвижном воздухе далеко разносились раскаты отдаленного грома; под гнетом предгрозовой атмосферы вся природа, казалось, притихла и съежилась.

Когда Боб, облачившись в потрепанный черный сюртук, который носил на службе, был готов отправиться к начальству, шел уже десятый час.

— Бобби, дорогой, — проговорила жена, прежде чем отдать ему его шляпу, — ты ведь не станешь, Бобби, дорогой... не станешь... сам знаешь что.

— Ничего я не знаю, — бросил он, делая попытку схватить шляпу.

— Ты не станешь закладывать за воротник, Бобби, ведь правда? — продолжала жена, не отдавая шляпы.

— С чего бы это, женщина? Ну, дашь ты мне шляпу или нет?

— Ты обещаешь мне, Бобби, дорогой... ведь обещаешь?

— Ну да, конечно... с чего бы?.. Ну, отдавай мне шляпу, и я пошел.

— Но ты же не пообещал, Бобби, голубчик; ты так и не пообещал мне.

— Ладно, дьявол меня заberi, если до возвращения я выпью хоть глоток, — в сердцах отозвался церковный сторож. — Этого тебе довольно? Теперь ты отдашь мне шляпу?

— Вот она, дорогой; Господь да хранит тебя в пути.

Произнеся это прощальное благословение и проводив мужа глазами, миссис Мартин закрыла дверь, потому что было уже совсем темно, и в ожидании его прихода снова села вязать; после разговора с мужем на сердце у нее полегчало: ведь она опасалась, что для человека, вступившего на стезю трезвости, он в последнее время стал слишком часто выпивать и полдюжины «пивнушек», мимо которых ему придется идти в другой конец города, окажутся чересчур сильным соблазном.

Пивные были еще открыты и, пока Боб тоскливо следовал мимо, испускали восхитительные пары виски, но Боб засовывал руки в карманы, отворачивался и, исполняясь решимости, принимался насвистывать, а в голове у него, вместе с образом помощника священника, витали думы о будущем вознаграждении. Он уверенно провел корабль своей добродетели мимо рифов соблазна и благополучно достиг дома, где жил помощник священника.

Того, однако, дома не оказалось, так как его неожиданно вызвали к больному, и Бобу Мартину пришлось дожидаться его возвращения в холле, барабана пальцами от скуки. Отлучка хозяина, к несчастью, затянулась; когда Боб Мартин отправился домой, уже, вероятно, пробило полночь. К этому времени грозовые облака еще более сгустились, темень стояла непроглядная, в скалах и лощинах Дублинских гор прокатывался гром, бледно-голубые вспышки молний выхватывали из мрака фасады домов.

Двери уже всюду были закрыты, но Боб, тащась домой, невольно отыскивал глазами пивную, принадлежавшую раньше Филу Слейни. Слабый свет просачивался через щели ставень и окошко над дверью, так что фасад был окружен неярким ореолом.

Боб успел уже привыкнуть к темноте, и этого свечения ему хватило, чтобы разглядеть человека в просторном рединготе, сидевшего на скамье, которая стояла тогда под окном. Незнакомец, глаза которого были скрыты низко надвинутой шляпой, курил длинную трубку. Рядом с ним неясно виднелись очертания стакана и бутылки объемом в кварту; большая лошадь под седлом, слабо различимая во тьме, терпеливо дожидалась хозяина.

Без сомнения, странное зрелище представлял собой путешественник, которому вздумалось в такой час под открытым небом подкрепиться стаканчиком, однако церковный сторож легко объяснил происхождение тем, что после закрытия пивной на ночь посетитель прихватил остатки угощения, дабы завершить пиршество здесь, на открытом воздухе.

В иные времена Боб, проходя мимо, приветствовал бы незнакомца дружелюбным «доброй вам ночи», но нынче он был не в духе, к общению не распо-

ложен и собирався молча проследовать дальше, однако незнакомец, не вынимая изо рта трубки, поднял бутылку и без церемоний поманил ею Боба; наклонив голову и плечи и одновременно перемещаясь на конец сиденья, он без слов пригласил Боба разделить с ним скамью и пиршество. В воздухе витал дивный аромат виски, и Боб было дрогнул, но, начав колебаться, тут же вспомнил свое обещание и сказал:

— Нет, благодарствую, сэр, мне сегодня нельзя задерживаться.

Незнакомец стал делать ему неистовые знаки и кивать на пустой конец скамьи.

— Благодарю за любезное приглашение, — сказал Боб, — но я припозднился и должен спешить, поэтому желаю вам доброй ночи.

Путешественник звякнул стаканом о горлышко бутылки, намекая, что задерживаться необязательно — можно сделать глоток и на ходу. Боб в душе разделял его мнение, но клятвы своей не забывал; он сглотнул слюну, твердо и решительно покачал головой и продолжил путь.

Незнакомец с трубкой во рту поднялся со скамьи и, сжимая в одной руке бутылку, а в другой стакан, двинулся по пятам за церковным сторожем; окутанная мраком лошадь последовала за хозяином.

В такой назойливости было что-то подозрительное и загадочное.

Боб ускорил шаги, но незнакомец не отставал. Церковный сторож почуял неладное и обернулся. За спиной он обнаружил своего преследователя, который все так же нетерпеливыми жестами предлагал ему попробовать содержимое бутылки.

— Я вам уже сказал, — произнес Боб, одновременно разозленный и испуганный, — не стану про-

бовать, и все тут. Не хочу я иметь дела ни с вами, ни с вашей бутылкой; и ради бога, — добавил он громче, заметив, что незнакомец приближается, — отойдите и оставьте меня в покое.

Эти слова, по-видимому, рассердили незнакомца — он с яростью затряс бутылкой, но, несмотря на этот угрожающий жест, все же отстал. Однако Боб видел, что незнакомец следует за ним в отдалении, потому что удивительное красное сияние, исходившее от трубки, окружало тусклым светом всю его фигуру, которая уподоблялась таким образом огненному метеору.

— Пусть бы дьявол забрал себе свое добро, — пробормотал Боб в сердцах. — Знаю я, где бы ты тогда был, парень.

Когда Боб во второй раз обернулся, он с испугом обнаружил, что наглый незнакомец подобрался к нему еще ближе, чем вначале.

— Будьте вы прокляты! — вскричал мастер лопат и черепов вне себя от ярости и страха. — Чего вам от меня нужно?!

Незнакомец, казалось, воспрянул духом; кивая головой и протягивая стакан и бутылку, он все больше приближался, и Бобу Мартину стало слышно, как фыркает лошадь, которая следовала в темноте за хозяином.

— Не знаю, что там у вас, но поберегите это для себя; с вами водиться — только беду накликать! — холодея от испуга, крикнул Боб Мартин. Отвяжитесь, оставьте меня в покое.

Безуспешно рылся он в бурлящей путанице своих мыслей, пытаясь вспомнить какую-нибудь молитву или заклинание. Он ускорил шаги почти до бега и вскоре достиг своего дома, который стоял у реки, под нависшим берегом.

— Впусти меня, бога ради,пусти, Молли, открой! — завопил Боб, добежав до порога и прислонившись спиной к двери.

Преследователь остановился прямо напротив, на дороге; трубки у него во рту уже не было, но густокрасное сияние не исчезло. Издавая нечленораздельные глухие звуки, какие-то звериные, не поддающиеся описанию, он, как показалось Бобу, наклонил бутылку и стал наполнять стакан.

Церковный сторож принялся с отчаянными воплями изо всех сил лягать дверь.

— Во имя всемогущего Господа, отвяжитесь от меня наконец!

Разъяренный преследователь плеснул содержимое бутылки в сторону Боба Мартина, но вместо жидкости из горлышка вырвалась струя пламени, которая растеклась и завертелась вокруг них; на миг их обоих окутало неяркое свечение, но тут налетевший порыв ветра сорвал с незнакомца шляпу, и церковный сторож увидел, что под ней ничего нет. Вместо верхней части черепа Боб Мартин созерцал зияющую дыру, неровную и черную; через мгновение испуганная жена отворила дверь и Боб без чувств свалился на пол собственного дома.

Едва ли эта правдивая и вполне понятная история нуждается в толковании. Всеми единодушно признано, что путешественник был не кем иным, как призраком самоубийцы, который по наущению врага рода человеческого подстрекал гуляку-сторожа разрушить его подкрепленный нечестивыми словами обет. Если бы призраку это удалось, то, без сомнения, темный конь, который, как заметил Боб Мартин, ждал, оседланный, неподалеку, унес бы в то место, откуда явился, двойную ношу.

СОДЕРЖАНИЕ

Джозеф Шеридан Ле Фаню

- Призрак и костоправ
Перевод С. Сухарева 5
- Случай с церковным сторожем
Перевод Л. Бриловой 17
- Лора-Колокольчик
Перевод Н. Роговской 26

Маргарет Олифант

- Окно библиотеки
Перевод Л. Бриловой 45

Амелия Энн Блэнфорд Эдвардс

- История с привидениями, рассказанная моим братом
Перевод В. Прянишниковой 101
- Новый Перевал
Перевод Е. Будаговой 118

Э. и Х. Херон

- История Медханс-Ли
Перевод С. Сухарева 137
- История Мур-роуд
Перевод В. Прянишниковой 157

Чарльз Уэбстер Ледбетер

- Комната барона
Перевод Л. Бриловой 176

Джон Кендрик Бангз

Водяное привидение из Хэрроуби-холла
Перевод В. Полищук 196

Клуб Привидений:

Несчастливый эпизод из жизни заключенного № 5010
Перевод Л. Бриловой 208

Литературное наследие Томаса Брагдона
Перевод Л. Бриловой 230

Монтегю Родс Джеймс

«Ты свисти — тебя не заставлю я ждать»
Перевод Л. Бриловой 251

Дом при Уитминстерской церкви
Перевод Л. Бриловой 277

Вечернее развлечение
Перевод А. Литинской 309

Эдвард Фредерик Бенсон

Гейвонов канун
Перевод В. Полищук 324

Багнелл-террас
Перевод С. Сухарева 339

Джон Бакан

Наблюдатель у Порога
Перевод Л. Бриловой 358

Зеленая антилопа: История сэра Ричарда Хэннея
Перевод Л. Бриловой 408

Комментарии. *С. А. Антонов* 436